

Белорусы Латвии. Прошлое и настоящее

Номинация: Беларусы Латвии. Интересные личности

День рождения Тамары Шутко

Белорусское Общество «Промень»

Татьяна Зиединя, Рига

2016 год

Содержание

- Введение
- Освейская трагедия
- Саласпилский концентрационный лагерь и дети из Беларуси
- Спасение маленьких узников
- Елизавета Францевна Зиедия
- История удочерения Тамары Шутко
- Жизнь продолжается

Введение

Так уж случилось, что во время Второй мировой войны в семье Зиединьш появилась белорусская ветвь.

В 1943 году, в оккупированной фашистами Риге, белорусская девочка из Саласпилского концентрационного лагеря обрела новую семью, а день 7 ноября - когда Елизавета Францевна Зиединя привезла Тамару Шутко домой, с того времени стал днем ее рождения.

Елизавета Францевна Зиединя – это моя бабушка, а Тамара Шутко – моя тётя. Тамара всегда называла бабушку мамой, и до самой смерти бабушки жила с ней рядом в одной квартире.

Давно уже нет на свете бабушки Елизаветы, к началу 90-х не стало и Тамары, но ее потомки до сих пор живут в Риге.

Связи с тем, что в последнее время обостились споры насчет Саласпилского лагеря, воспоминания Тамары и ее родных могут дать дополнительную информацию об участии его маленьких узников.

Освейская трагедия

*Хто ішоў у чорны дзень
на агні, -
тыя дні і тых людзей
памяні.*

*Безмагілле злых гаёў
Адмяні.
Попел нашых каранёў
памяні.*

*Кожны хай адно імя
Назаве!
Што ўспомню сёння я –
ажыве.*

*Нашу спадчынную грудзь
азвані...
Прарастае Беларусь
З глыбіні.*

Сяргей Панізінік

Беларусь больше других стран пострадала в годы Второй мировой войны от рук гитлеровских карателей. А самый пострадавший регион в стране – Освейщина, что в Верхнедвинском районе Витебской области.

Фашисты для большинства своих кровавых экспедиций подбирали звучные поэтические названия: "Серебристая лиса", "Праздник урожая", "Теплый ветер", "Волшебная флейта", "Майская гроза". Вот и самую жестокую карательную операцию в Освейско-Россонской партизанской зоне в Беларуси немцы назвали в том же стиле - "Зимнее волшебство". [11]

Операция «Зимнее волшебство» («Зіміне чары», нем. *Operation Winterzauber*) — карательная антипартизанская операция, проведённая немецкими фашистами совместно с латышскими, литовскими и украинскими полицейскими батальонами в период с 4 февраля по 2 апреля 1943 года. Операцией руководил обергруппенфюрер СС Фридрих Еккельн.

Целью операции было создание нейтральной зоны отчуждения без жителей и населённых пунктов - "мертвой зоны" (нем.: *tote Zonen*) шириной 40 км между Дриссой на юге, Зилупе и Смольноталь на севере с охватом района Освея — Дрисса — Полоцк — Себеж — Россоны. Эта полоса земли без населения должна была лишить партизан их опорных пунктов. [10], [21]

Операция разворачивалась следующим образом. Войдя в деревню, полицейские и приданные им части расстреливали всех, кого можно было подозревать в принадлежности к партизанам (такowymi считались практически все жители-мужчины в возрасте от 16 до 50 лет), а также стариков и инвалидов,

которым был не по силам долгий пеший марш. Остальные — в основном женщины с детьми — направлялись пешком к месту так называемого «второго шлюзования». Тех, кто обессилел в пути, расстреливали. Из сборных лагерей людей направляли в другие лагеря, например в Саласпилский концлагерь, где женщин отделяли от их детей и направляли на работу в Германию. Эти события в Беларуси получили название «**Освейская трагедия**».* [4]

Так, 16–18 февраля 1943 года каратели уничтожили деревню Росица Дриссенского района. Более молодых и сильных людей отправили на станцию Бигосово, где их грузили в вагоны и везли в концлагерь Саласпилс и на работы в Германию. Остальные жители были сожжены в домах, большая группа людей была загнана в коровник, который затем подожгли. [10]

В деревне Росица в 1937 году (в каком месяце и какого числа, установить не удалось) родилась Тамара Шутко. Зимой 1943 года ей было около 6 лет, когда в деревню пришли каратели: *«Спачатку на вуліцы пачуліся крокі, потым у двары. Чуем стрэлы. Мама ўсім нам: «У хату!» — і зачыніла дзверы на засаўку. Стукаюць. Мы не адкрываем. Страшна завішчаў у хляве падсвінак. Мама не магла трываць, калі мучаць жывёліну. І адчыніла дзверы. Яе забілі прама з парога. У сэрца. Ойкнула і ўпала. Ёй на дапамогу кінуўся бацька. Яго ў жывот... Тут дзядуля, утрапёны, выскачыў. І яго... І бабулю... З хаты ў сенцы сыпанулі і мы: я з братам. Страляў доўгі, цыбаты, з цыгарэтай. Паглядзеў на нас, анямелых, засмяяўся...*

Нас дваіх узялі матчыны бацькі. Пасяліліся ў Крэўніках. Хата — каля самага лесу. Да нас кожную ноч партызаны прыходзілі.

Калі зімой тут з'явіліся карнікі, вёска наша рушыла ў лес. Мы — апошнія ў абозе. Памятаю світанне: белы-белы снег і зыркае сонца над ім. Нават каровы той раніцой не мыкалі: усе баяліся карнікаў. І ўсё ж яны нас акружылі і пагналі ў Росіцу. Па дарозе бачыла, як дагарала мая родная хата, дзе восенню забілі бацькоў. Запомнілася, як гарэлі яблыні: нейкім дзіўным ружовым агнём.

Мужчын і жанчын аддзялілі, а дзяцей павялі ў касцёл. Яшчэ не зачыніліся за мной дзверы, і я бачыла, як адзін дзядуля хацеў выкінуцца з апавітага полымем дома. Мяне з брацікам итурхнулі, за спіной ляснула засаўка...

Колькі прабылі ў касцёле, не памятаю. Зноў ехалі на падводзе. Каля кожнай спаленай вёскі карнікі падсаджвалі на воз якое-небудзь дзіцятка. Каля аднаго двара падвода спынілася. Бачу: фашыст ідзе за весніцы. На панадворку жанчына трымае дзіця. Карнік хапае яго і б'е аб вугал галавой. І сам падбегам весела кіруе на падводу. Жанчына з немым крыкам за ім. Карнік лоўка рвануў аўтамат — і жанчына мёртвая кульнула прама пад калёсы.

Іа тых падводах мы аж да Дзвінека даехалі. І толькі там нас перагрузілі ў вагоны. Цэлы цягнік дзяцей быў дастаўлены ў Саласпілс.» [2]

Примерные итоги операции «Зимнее волшебство»: более 200 убитых партизан, от 4 до 5 тысяч уничтоженных мирных граждан, более 7 тысяч угнанных (несколько тысяч из которых впоследствии погибли), 156 сожженных деревень и один райцентр, огромное количество угнанного скота, отравленные колодцы, залитая кровью 15-километровая полоса мертвой земли. [7]

Освейский район Беларуси фактически был стёрт с лица земли — в нем не осталось ни одной деревни, ни одного целого строения. Каратели Освейского района расстреляли и сожгли более 3 тысяч мирных жителей Освейского района Беларуси, две трети из которых были дети. Тысячи жителей были вывезены — взрослые на работу в Германию, дети — в концлагерь Саласпилс. [11]

Саласпилский концентрационный лагерь и дети из Беларуси

В октябре 1941 года в болотистом месте в 18 км к востоку от Риги немецко-фашистские оккупационные власти установили лагерь для арестованных. Лагерь был окружен забором из колючей проволоки и сторожевыми вышками, в центре лагеря была расположена сторожевая вышка с пулеметом. Арестованных, которых пригоняли из Латвии, западных регионов СССР и из других оккупированных нацистами стран Восточной Европы, содержали в деревянных бараках. Каждый барак был предназначен для 200-250 человек, но там жило от 350 до 800 человек. В отдельном бараке были заключены дети, которые были использованы в качестве доноров крови. [19], [22]

Изначально лагерь создавался для прибывающих в Латвию депортированных из Германии евреев — с целью их последующего уничтожения. Но с 1942 года в лагере содержались в основном политзаключенные. А в марте 1943 г. в лагерь начали помещать женщин и детей, вывезенных из сел Беларуси во время карательных антипартизанских операций. Таким образом, в Саласпилский лагерь пришли два железнодорожных состава кампании "Зимнее волшебство", из которых по крайней мере половина были дети. [16]

Следует отметить, что до этого момента детей в лагере практически не было, поэтому, когда речь идет о малолетних узниках Саласпилса, то это по

большой части, дети из Беларуси. Позже в Саласпилский лагерь привезли еще детей из Латгалии, где фашисты также провели ряд карательных операций, но меньшего, чем "Зимнее волшебство" размаха.

После прибытия в лагерь дети с матерями подвергались грубой процедуре дезинфекции: *«Там загадалі распрануцца, ісці ў лазню. Няпаленую. Лаўкі з гарбылёў, сцюдзёныя ад марозу. Смуроднае мыла...»* [2]

А после нескольких дней карантина детей разлучали с матерями, которых отправляли на принудительные работы в Германию. Женщинам давали 1 минуту, чтобы попрощаться со своими детьми. Затем их строили в шеренгу и выводили из бараков. Дети плакали и кричали, бросались на окна, за которыми их матерей усаживали в грузовики. Вскоре многие дети начали

умирать: вначале грудные малыши, потом и постарше, от голода, истощения и разных болезней. [16]

В воспоминаниях маленьких узников большое место занимает принудительное донорство. Выжившие описывали людей в медицинских халатах, которые ходили по детскому бараку со шприцем и забирали у детей кровь. В большинстве источников о Саласпилском лагере утверждается, что таким образом у заключенных детей брали кровь для немецких раненых. В последнее время вопрос детского донорства в Саласпилском лагере стал ставится под сомнение. Например, латвийский историк Рудите Вискне заявляет о том, что сведения об использовании детей-заключенных в качестве доноров крови является мифом. Сомневается в этом также историк Улдис Нейбургс — один из авторов известной монографии «За этими воротами стонет земля. Саласпилский лагерь 1941 — 1944». Он не отрицает, что у детей там брали кровь. Он также приводит немецкие документы, свидетельствующие, что уже к началу 1943 года немцы отказались от хранения крови и использовали только

прямое переливание. Но то, что было описано во многих воспоминания — как какой-то нацистский доктор входит в барак со шприцем и берет кровь, по его мнению, никак не соответствует методу прямого переливания. К тому же дети были ослаблены, они болели, а ни один медик не будет переливать раненому кровь больного ребенка. Нейбургс считает, что основной причиной смерти детей в лагере был голод и болезни, а кровь брали на анализы. Фашистов, скорее всего тревожила угроза эпидемии тифа и вероятность того, что эпидемия может распространиться за пределы лагеря. Скорее всего кровь брали для того, чтобы определить, чем дети больны.» [17], [18], [20]

Тамара Шутко хорошо помнила, как у нее брали кровь в детском бараке: *«Часам у блок заходзіла тоўстая цётка. Пройдзе, паглядзіць на нас, ацэніць. Здаравейшага адводзілі, перавязвалі жгутом руку, утыкалі іголку. Пасля такой працэдуры давалі міску баланды.»* [2]

Похоже, что у детей все же кровь брали для переливания, так как выбирались более здоровые дети. И тот факт, что дети получали еду после такой процедуры, соответствует установленному порядку донорства, а немцы всегда во всем следовали порядку. В любом случае, брали ли у детей кровь для раненых или на анализы, чтобы предотвратить эпидемии, какие-то манипуляции с кровью проделывались вовсе не в целях сохранения жизни или облегчения участи маленьких заключенных.

Детская смертность в Саласпилском лагере была очень высока. Дети находились в перенаселенных холодных бараках, болели и умирали от брюшного тифа, дизентерии, дифтерии и кори, от отсутствия ухода, от голода и постоянного стресса. За непослушание детей жестоко избивали в назидание другим. Каждое утро в детском бараке собирали детские трупы. Затем их выносили и сваливали в большую яму там же, на территории лагеря. [14]

Жуткие воспоминания никогда не оставляли Тамару Шутко: *«У бараку супраць нараў быў прагал. Памятаю, як спецыяльная каманда сноўдала на нарах, збірала трупы дзетак і складвала іх на прагал. Вясной мы выходзілі «на промысел». Елі траву, якая толькі траплялася, выкапвалі чарвей. Добрых такіх дажджавых чарвякоў выкалупвалі. І, о божа, таксама елі іх. Як выжыла? Тут не лес. Хутчэй выпадковасць.»* [2]

Данные о количестве малолетних узников и жертв концлагеря противоречивы. Согласно советским источникам, в Саласпилском концлагере было убито 7 тысяч детей. [5]

Российские источники 15 летней давности предлагают другие цифры: «В лагере мученической смертью погибли около 3 тысяч детей до 5 лет в период с 18 мая 1942 года по 19 мая 1943 года, тела были частью сожжены, а частью захоронены на старом гарнизонном кладбище у Саласпилса.» [4]

Латвийские источники также не дают единых данных по количеству малолетних узников Саласпилса. Данные колеблются от нескольких тысяч до десяти тысяч. Доктор истории Улдис Нейбургс в разных источниках утверждает, что в лагере были заключены от 3000 до 4000 детей. [16]

Западные историки тоже не имеют единого мнения относительно количества заключенных в лагере детей. Арон Шнеер отмечает, что по данным

ЧГК через Саласпилс с конца 1942 г. по 1944 г. прошло около 12 тысяч детей в возрасте от грудных до 14-15 лет, однако из отношения Социального департамента от 3 ноября 1943 г. известно, что порядковые номера регистрации детей в Саласпилском лагере были 17683, это позволяет предположить, что число детей, прошедших через лагерь было намного больше. [15]

Оценку как количества погибших в этом лагере, так и состава заключённых затрудняет то, что при эвакуации был уничтожен весь его административный архив.

По данным Наркомата образования Латвийской ССР от 3 апреля 1945 года ужасы лагеря Саласпилс пережили 2802 детей, из которых 1564 были переданы фермерам, 636 размещены в различных детских домах, 602 переданы на воспитание. [16]

Спасение маленьких узников

Весной 1943 году, после размещения в Саласпилском лагере большого количества гражданского населения, пригнанного из оккупированных территорий во время карательных операций, лагерь оказался переполненным. От детей, умиравших как мухи, решили избавиться. Оккупационные власти поручили Социальному департаменту начать размещение детей из лагеря в детские дома, на хутора и в городские семьи.

К лету 1943 года детские бараки в Саласпилском лагере были освобождены и полностью отменены. Все дети были перемещены. [23]

В советское время часто говорили о том, что детей из Саласпилса "продавали в рабство латвийских кулаков", а тот факт, что многие семьи в городских и сельских районах не только помогли этим детям восстановиться, но и воспитали их как своих собственных, как правило, ранее замалчивался.

Сейчас мы знаем очень много случаев, когда местные русские и латыши брали этих деток и становились им новыми родителями. Безусловно, было много случаев использования детского труда, особенно для детей постарше, и как не прискорбен факт детской эксплуатации, надо признать, что участь детей, работавших на хуторах, была гораздо лучше чем у тех, кто находился в лагере или оказался в детском доме. Все—таки и это был счастливый шанс выжить. Утверждения типа «был сформирован невольничий рынок, где шла продажа детей в рабство местным собственникам», является явным преувеличением и однобоко описывает ситуацию. Такое утверждение сформировалось после войны, когда градус ненависти к немецким оккупационным властям был еще очень высок. Имеется много примеров, когда хозяева усыновляли своих «батраков», становились для них настоящими родителями, растили, обучали детей и даже передавали им по наследству свое хозяйство. Но были и случаи, когда детей держали на хлебе и воде, относились как к батракам, заставляя работать от зари до зари. Все зависело от конкретных людей, к которым попадал ребенок.

Малолетних детей в сельскую местность к хозяевам не посылали, Социальный департамент размещал их в детских домах и организовывал распределением детей в приемные семьи.

Передачей детей из Саласпилса на воспитание занимались также Рижский Святотроицкий женский монастырь, Гребенщиковский староверческий молельный дом, отдельные гражданские организации и лица.

Детей размещали в следующие детские дома и приюты:

В Риге:

- ул.Э.Бирзниека-Упиша 4 (детский дом)
- ул.Капселю (детский дом)
- ул.Кр.Барона 126 (распределитель православного женского монастыря)
- ул.Краста 73 (приют общины староверов)

По Латвии: детские дома в Булдури, Дубулты, Майори, Саулкрасты, Стренчи, Балдоне, Игате, Гриве и Лиепеае. [8]

По данным латвийского историка Строне, несколько сотен детей из Саласпилского лагеря передали на хутора, около 300 детей попали в детские дома в Риге, Юрмале, Игате и Саулкрасты, некоторых детей принял православный монастырь в Риге. [23]

По воспоминаниям очевидцев: *«В апреле 1943 года к женскому монастырю в Риге по ул.Кр.Барона 126 подошли крытые военные немецкие автомашины. Их сопровождали немецкие солдаты под командой офицера. Жуткая картина открылась глазам очевидцев: из закрытых кузовов не раздается ни звука, не слышны детские голоса. Когда откинули брезент, взору открылись десятки замученных, больных и изнуренных детей. Они скорчились и дрожат от холода. Лохмотья еле прикрывают маленькие тельца, покрытые нарывами, лишаями и коростой. Дети босы, без шапок. Из-под грязных тряпок, едва прикрывающих несчастных, на груди виднеются картонки, привешенные на верёвке. На табличках имеются надписи: фамилия, имя, возраст. Дети жмутся друг к другу и молчат. Детский барак в лагере, вечный страх и угрозы, пытки и террор садистов отучили маленьких страдальцев говорить.»* [6]

Помыв и подкормив малышей из Саласпилса, монахини раздавали их по семьям. И хотя много сердобольных людей взяли на себя заботу о подранках, не все малыши впоследствии выжили — их физические ресурсы были полностью исчерпаны за месяцы, проведенные в лагерных бараках.

В мае 1943 года Тамару Шутко вместе с братом переместили из Саласпилского лагеря в детский дом в Риге: *«З Саласпілса мы трапілі ў дзіцячы дом. Ён размяшчаўся ў Рызе. Там пражылі месяцы чатыры. Потым мы з братам захварэлі на свінку. Нас разлучылі, і мы згубіліся амаль на доўгія гадоў.»* [2]

Летом и осенью 1943 много жителей Риги забрали саласпилских детишек разных из детских домов и приютов. Среди таких рижан оказалась и моя бабушка Елизавета Францевна Зиединя.

Елизавета Францевна Зиединя

Когда я родилась, бабушке уже было около семидесяти лет, но помню ее всегда очень энергичной, бодрой, неизменно весёлой и доброжелательной. Не помню, чтобы она когда-нибудь сердилась или повышала голос. Она была очень ласковая и добрая бабушка.

Родилась она в 1891 году в немецкой семье Фоерстов в Риге, родители были лютеранами и членами немецкой общины Домской церкви. Впоследствии их похоронили на кладбище вблизи Торнякалнской лютеранской церкви. Отец Елизаветы занимался железнодорожными перевозками, был почетным гражданином города Риги. В семье было много детей – у Елизаветы, или Лили, как ее звали родные, было 2 брата и 3 сестры. Лиля была самая старшая, хохотушка, очень независимая. В 1908 году ее отец Франц Фоерст построил 2 двухэтажных дома в развилке железнодорожных путей на Юрмалу и на Елгаву, где разместилась его семья и служащие его предприятия. И вплоть до конца 20-го столетия в этих домах на улице Гробиняс 2 в Торнякалнсе жили все его повзрослевшие дети со своими семьями.

В семье моей бабушки все говорили на 4 языках – русском, немецком, латышском и польском. В то время в Риге большинство горожан знали все эти языки.

Все дети Фоерстов получили хорошее образование. Лиля училась на медицинских курсах, хотела стать хирургом, но не получилось – война, революция, какое-то время работала медсестрой в госпиталях.

В 1916 году Лиля вышла замуж за Яниса (Ивана) Зиединьша. Дедушка был из православной латышской семьи – его отец Роман Зиединьш в то время был настоятелем церкви Всех Святых на улице Католю в Риге.

Дедушка учился в Политехническом институте в Риге и работал на железной дороге – сначала стрелочником, потом машинистом. Закончив институт, он получил профессию инженера. В 1922 году родился мой папа Эйжен Зиединьш.

В конце 30-х годов семья Зиединьш жила довольно обеспечено – дедушка работал в управлении железной дороги, бабушка преподавала русский и немецкий языки.

Семья Зиединьш: Елизавета Францевна, Иван Романович, Эйжен. 1932 год. Рига, Торнякалнс, ул.Гробиняс 2

Отпуск дедушка с бабушкой уезжали проводить в Европе, а моего папу, тогда еще подростка, отправляли работать на хутор к родственникам – чтобы приучался к труду и набирался здоровья. Папа рассказывал, что к сентябрю возвращался в Ригу с целой подводой продуктов.

В 1941 году, когда немецкие фашисты оккупировали Ригу, бабушка не боялась им высказывать свое мнение о том, что они проиграют эту войну. Вся семья, сколько могла, помогала военнопленным, которые работали неподалеку в Депо Засулаукс, едой и одеждой.

Именно бабушка спасла моего отца от мобилизации в легион в 1944 году, отправив его на хутор к родственникам дедушки Яниса.

Когда в 1943 года бабушка узнала, что можно взять на воспитание ребенка из Саласпилского лагеря, она ни минуты не сомневалась, что она должна это сделать. Остальные члены семьи – дедушка и папа ее поддержали. Вначале она со своей подругой несколько раз ездила с продуктами и одеждой в детский приют в Саулкарстах, где были размещены малолетние узники Саласпилского лагеря. Приют размещался в бывшем доме священника рядом с морем.

Елизавета Зиединя 1939 г.

Дом священника в Саулкрасты (Айнажу 17), 1935 год.

Здание детского приюта мне в свое время показывала Тамара Шутко. Оно и до сих пор стоит на том же месте – на улице Айнажу, напротив больницы. Что там находится сейчас, мне не удалось узнать. Это частное владение, обнесено забором.

Ул.Айнажу 17, Саулкрасты, 2016 год

7 ноября 1943 года Елизавета Зиединя приехала в Саулкрасты в детский приют, который размещался в этом здании, и через пару часов она вышла оттуда с Тамарой Шутко, своей дочкой.

История удочерения Тамары Шутко

*Калі б магла вясёлку з неба зняць, я падарыла б маме.
Каб з хмарак я магла дыван саткаць, я падарыла б маме!
Пралескі ўсіх лясоў і стужкі рэк я падарыла б маме.
І ласку, і цяпло на доўгі век я падарыла б маме!
Святло бяроз і песеньку малой сініцы сінякрылай –
Хачу паднесці ўсё, што мне самой Матуля падарыла.*

Эдзі Агняцвет

Бабушка расказывала мне, што всегда хотела иметь дочку, но Бог дал ей только одного сына. Поэтому в детском приюте в Саулкрастах она решила взять девочку. Все детки были очень худые, слабенькие, забытые. Ей вначале приглянулась шустрая Феня, двоюродная сестра Тамары. Но получилась так, что в тот момент, когда она зашла в комнату, где содержали детей и спросила, кто хочет быть ее дочкой, все, кроме Тамары побежали к ней. А Тамара сказала, что у неё есть мама. Сердце у Елизаветы Францевны сжалось от боли, она знала, что у Тамары нет родителей, что они расстреляны как партизаны – это было отмечено на бирке № 5223, висящей на ее шее. И в этот момент она полюбила Тамару, как родную дочку.

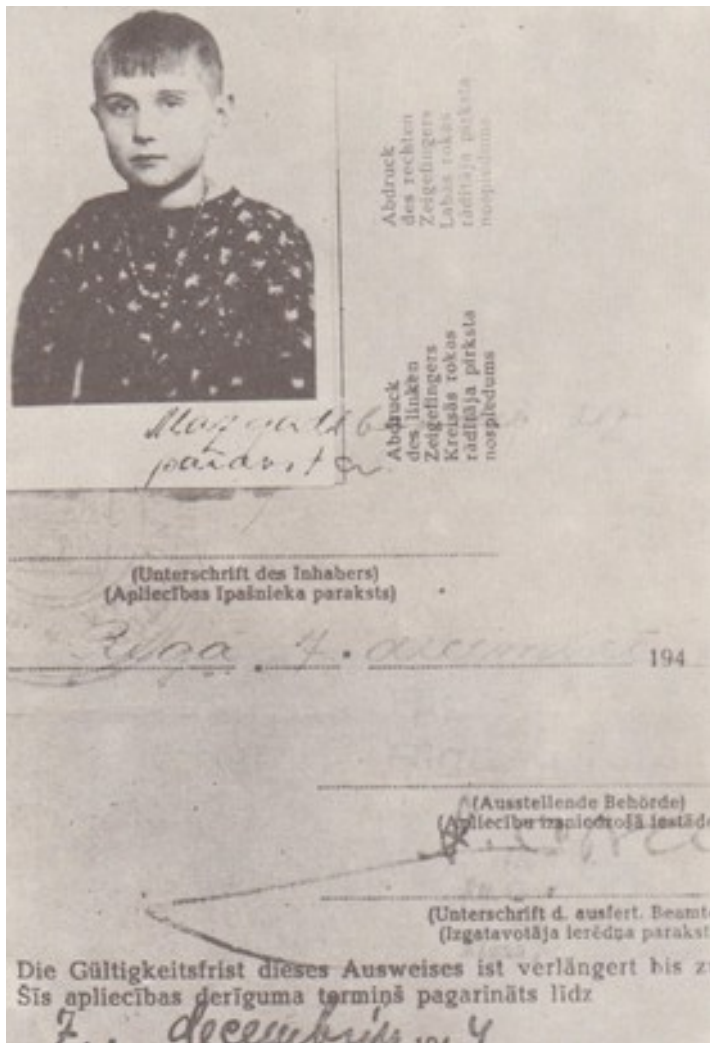
Тамара расказывала: *«Восенню 1943 года я трапіла ў Саўлкрасты, у арганізаваны акупантамі дзіцячы «прытулак». Кармілі там толькі адной бульбай. Адвараць яе і выкацяць на стол. Хадзілі мы як павукі: на тонкіх ножках, з апухлымі вільгімі жыватамі. Хадзілі і восенню босыя. «Прытулак» быў на беразе мора, падбіраліся мы і да рыбакоў, выпрошвалі рыбу. Елі адразу ж на беразе, сырую. Наязджалі ў «прытулак» нейкія дабрачынныя дамы. Выбіралі дзяцей, забіралі. З адной з іх была знаёма Лізавета Францаўна Зіедыня. Я яе аднойчы бачыла ў «прытулку». Ёй спадабалася мая дваюродная сястра Феня. Прыглядалася да дзяўчынкі. Відаць было, што хацела ўдачарыць... ..Гэта было 7 лістапада 1943 года. Гадавіна Вялікай Кастрычніцкай рэвалюцыі. Дзень нараджэння Савецкай улады. У гэты дзень у «прытулку» зноў паявілася Лізавета Францаўна. Забаўляла нас, частавала. А потым сказала: «Хто хоча да мяне ў дочки?» Усе дзяўчаткі пабеглі да яе. Усе хацелі быць яе дочкамі. А я засталася каля сцяны. Не падбегла. Лізавета Францаўна сумелася: «А ты?» — «Я не хачу, — прамовіла. І схлусіла: — У мяне ёсць мама». Я ўжо ведала, што ёй падабаецца Феня. Думала, як жа я пабягу ў дочки прасіцца. Лізавета Францаўна тады падыйшла да мяне і сказала: «Ад сёння, Томачка, я твая мама».*

Гэта было 7 лістапада 1943 года. Той дзень стаў для мяне днём нараджэння. Я не ведаю, калі нарадзілася ў сапраўднасці: усе ж дакументы згарэлі. Але ў гэты дзень да мяне падышла з лагоднай усмешкай жанчына і назвалася маёй мамай. Ці магла быць большая радасць для маленькага вязня?» [2]

Так у Елизаветы Зиедини появилась дочка, а у Тамары Шутко – приёмная мама. Помню, что бабушка Тамару всегда звала Томочкой, а та ее мамой.

В течение месяца бабушка оформила документы для Тамары и разрешение для себя на ее воспитание. На фотографии Тамара через месяц после того, как покинула детский приют. На фотографии шестилетнего ребенка выражение лица как у взрослого. На ее шее – деревянные раскрашенные бусы, которые дедушка сам сделал для нее, позже эти бусы Тамара подарила мне.

Долгое время Тамара не могла отойти от всех пережитых ужасов. Бабушка с дедушкой, как могли, ее баловали. Но ни нарядная одежда, ни игрушки, не могли залечить душевные травмы маленького ребенка. Тамаре заново надо было учиться радоваться, смеяться, верить людям. Она полюбила свою новую семью, узнала что такое семейные праздники, прогулки по городским паркам, отдых у моря. Эйжен стал ей настоящим братом и поддержкой на всю жизнь. Но жуткие воспоминания долго не давали ей покоя: *«Фашысцкая няволя выхоўвала з нас рабоў. Тая рабская псіхалогія праяўлялася ў самых нечаканых момантах. Вось мяне прывезлі з Саўлкростаў. Прывялі ў хату. Пасадзілі за стол. Я ўсёй душой згодна, што Лізавета Францаўна мая мама. Насупраць мяне за сталом яе муж. Яна гаворыць пра гэта. А я пытаюся: «Гэта мой гаспадар?» Мама, успамінаючы той час, сказала, што я цэлы год пасля няволі не ўмела... смяцца. Ніяк не атрымлівалася ў мяне ўсмешка. Мае вусны і душа былі адвучаны ад радасці...» [2]*

«Аусвайс» Тамары Шутко. Выдан 7 декабря 1943 года, продлен 7 декабря 1944 года.

По фашистским оккупационным законам Тамара не считалась родной дочерью Зиединьшам, поэтому несколько раз немцы пытались забрать девочку для высылки в Германию. Там ее ждал бы очередной приют или лагерь. Бабушка с дедушкой прятала Тамару от высылки, так же как своего сына от мобилизации в легион: *«Не раз прыходзілі да Зіедыньшаў акупанты забіраць мяне на параход. Прыходзілі жандары: адпраўляўся транспарт у Нямеччыну... Але, як свайго роднага сына Эйжэна, бераглі яны і мяне.»* [2]

В 1945 году в министерстве просвещения Латвийской ССР Елизавета Зиедия оформила на себя «Договор о патронаже за ребенком», который устанавливал правила содержания взятого на воспитание ребенка в семье и обязанности патронирующего. Советские власти не дали разрешения на официальное удочерение, основываясь на том, что у ребенка могут найтись родные, которые захотят ее забрать. И хотя официальные документы об удочерении так и не были оформлены, Тамара всегда была настоящим членом семьи Зиединьш.

Тамара с приемной мамой 1951 год

Я всегда считала тётю Тому своей родной тетей, у нас были очень близкие доверительные отношения. Она всегда казалась мне очень серьезной и мудрой. При этом у нее был очень легкий характер, к ней можно было обращаться за советом в сложных ситуациях, и лучше нее никто не мог предложить решения проблемы.

Жизнь продолжается

*Нас не зрушыў чорны ледавік!
Зноў краіна
Песнямі засеяна;
Пад карэнне вораг не пранік,
І бярозу свеціць сакавік,
І зямля надзеямі заселена.*

Панізінік Сяргей

С 1943 года Тамара жила в квартире на улице Гробиняс в Риге. Закончила среднюю школу, училище полиграфистов, работала в типографии. Первый раз вышла замуж рано, в 19 лет за военного. Только 1 год она провела во Фрунзе с

мужем, он был ракетчиком и вскоре умер от лучевой болезни. Всю остальную жизнь она провела в Риге, где работала полиграфистом и жила в одной квартире со своими приёмными родителями. Там же, на квартире в Торнякалнсе, в старом доме Фоерстов, в 1962 году поселился ее новый муж Александр Зайцев, в 1963 году появилась дочка – Карина. Отсюда она проводила свою маму Елизавету в последний путь.

Семья Зиединьш 1957 год: Елизавета, Тамара, Иван, Эйжен и Лидия (моя мама)

Тамара 1955 год

В 1961 году Тамара посетила Беларусь и нашла могилу родителей. Она рассказывала мне, что в этой деревне, у всех была одна фамилия – Шутко. Поэтому все оставшиеся в живых в этой деревне (их оказалось очень мало) и их потомки могут считаться ее родственниками.

Интересная история вышла о том, как Тамара нашла своего брата Александра, с которым рассталась в 1943 году. Как то в 1962 году летом она ехала в электричке и случайно услышала, как сидящие в этом же вагоне парни одного из них называли Сашей Шутко. Тамара постеснялась сразу подойти и спросить, не брат ли он ей. Поэтому она обратилась в адресный стол и узнала что человек по имени Александр Шутко проживает в Латвии и его точный адрес. Оказалось, что брат из детского дома в 1943 году попал на хутор, где его взяла на воспитание латышка. Она воспитала его как родного сына.

«А брата Аляксандра знайшла выпадкова. Аднойчы ў электрычцы ехала. У другім канцы вагона хлопцы гаманілі. Аднаго то Сашкам называлі, то Шутко. На прыпынку гурт высыпаў на перон, а я ледзь дачакалася Рыгі — і ў адрасны стол. Жыве Шутко ў Яўнелгаве, адказалі мне, на хутары Ушуры. Ніводнага дня не чакала. Адразу ж напісала заяву на адпачынак і паехала да брата. Кружу каля хутара і ніяк не магу зайсці ў хату. Баюся: а раптам не брат тут жыве. Нарэшце рашылася, адчыняю весніцы. Насустрач выйшла цётка, латышка. — Тут Аляксандр Шутко жыве? — А ты — Тамара? — усклікнула латышка. Я не ўтрымалася на нагах і села на траву. І ад радасці, і ад неспадзеўкі. — А ў вас пагляд аднолькавы,— растлумачыла мне Сашына мама сакрэт такога хуткага пазнання. Аказваецца, гэтая латышка ўзяла

хворага Сашу. Яна з мужам мела сваіх сына і дачку. Хлопца паставілі на ногі, выгадавалі. Як і бацька родны, ён стаў лесніком, закончыў тэхнікум. Гэта Сашу каштавала многа сілы, волі, бо ён хлапчуком падарваўся на міне — асколкі руку і вока пашкодзілі. Але стаў моцны дзяцюк. Ажаніўся з латышкай. І калі яго мама састарэла і ў яе запыталіся, дзе будзе дажываць свой век, яна выбрала Сашу: «Ён жа сыноч мой...» [2]

С братом Александром 1963 г.

У брата Александра оказались фотографии родителей, которые были зашиты в его лагерную бирку. И хотя их лица она совсем забыла, в сердце всегда хранила их образ. Увидев фото, она вспомнила родителей, и теперь попрощалась с ними в своем сердце и отпустила навсегда.

В 1970 году Тамара навсегда попрощалась и со своей приемной мамой. Для нее это было тяжелое переживание. Но жизнь в квартире на улице Гробиняс продолжалась – выросла дочка Карина, вышла замуж, в 1982 году у Тамары появилась внучка Юлия.

Тамара с дочерью Кариной 1971 г.

Карина и внучка Тамары Юлия 1983 г.

У Эйжэна тожэ выраслі дачери, в 1982 году п'явіўся на свет первы внук – Еўгеній, в 1985 году в'торой внук – В'ладзімір.

К сожалеңню, здрав'е у Тамары нікогды не было кр'пкім, Саласпільскі лагерь наложыў сваю цяжэлю п'чаць. В 1988 году Тамара умерла.

Но не аб'рвалася лінія жыцьці Тамары. Она пр'одолжылася в ее дачке, в ее внучке, ее правнучке. И сплелася ее ветка с веткой З'едыньш, и уже ч'твертое пакал'еңне обе растуць р'ядом.

Тамарына внучка Юлія с дачер'ю Анастасіей и внук Эйжэна В'ладзімір с сыном Леонардом

«Многа прагалаў застал'ся на радаводным дрэве Тамары Мікалаеўны Шутко. Пакалечана яе бярозка, але жыве, мацуецца побач з іншымі яе слаўнае дрэва жыцьця. А жыцьцё — працягваецца. З яго віроў глядзяць шчырымі вачанятамі кветкі шыпшыны, бы чалавечы пульс, гучыць з яго віроў метраном Саласпільса. Памяць не сцішаецца. Чалавек заўсёды ў руху — да памяці.» [2]

Источники:

На беларусском языке:

1. Вершы беларуских поэтаў. <http://vershy.ru/comment/reply/1693#comment-form>
2. Панізнiк Сяргей “Браніслава”, Минск, “Юнацтва”, 1985, 174 с.
3. Панізнiк Сергей “Оствейская трагедия”, Минск, “Юнацтва”, 1992, 172 с.

На русском языке:

4. Ватолин И. *Они приняли смерть в огне...* // Электронный архив Ежедневной газеты Латвии «Час» (www.chas-daily.com), 3 марта 2009.
5. Великая победа к 40-летию победы Советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов: Советская историография, Том 3 под ред. А. М. Самсонова — Академия наук СССР, 1985 — с. 119
6. Детское лицо войны: Рижское краеведческое сообщество http://www.rigacv.lv/detsk_konclag
7. Дюков А. Р.: *Операция «Зимнее волшебство»* Фонд «Историческая память», Москва: Фонд «Историческая память», 2011. 24 с
8. Латвийский государственный исторический архив (ЛГИА), ф. Р-132, оп.30, д.26, л.199.
9. Латвия под игом нацизма: сборник архивных документов. — Москва: «Европа», 2006. — 344 с.
10. Операция «Зимнее волшебство» Wikipedia. <https://ru.wikipedia.org/wiki/>
11. Освейская трагедия - Народная газета. 11.06.2014 <http://ng.sb.by/soyuznoe-veche/article/osveyskaya-tragediya.html>
12. Орленко Олеся, Симиндей Владимир «Узнанное детство»: методология научного поиска / Альманах “Русский мир и Латвия” » №30, 2012
13. Саласпилский лагерь: Лагерь смерти? Или... шанс для живых? http://rus.tvnet.lv/novosti/obschjestvo/337452-salaspilsskiy_lagjer_lagjer_smjerti_ili_shans_dlja_zhivih/page/5
14. Тася: «Даугава», №2, 2004 г.
15. Шнеер Арон. *Социальные аспекты судеб детей из России и Белоруссии, депортированных в Латвию в 1942–1944 гг.* : Доклад на международной научной конференции «Divided Eastern Europe: Borders and Population Transfer, 1938–1947» (Разделенная Восточная Европа: трансфер границ и населения, 1938–1947 гг.) (2–3 сентября 2010 г., Львов) <http://histudies.ru/info.php?id=3>

На латышском языке:

16. Bērnū likteņi Salaspils nometnē. Vēsturnieka Ulda Neiburga skatījums. Lauku avīze. 8.06.2015. <http://www.la.lv/bernu-likteni-salaspils-nometne/hidehead/>
17. Kangeris K., Neiburgs U., Vīksne R. *Aiz šiem vārtiem vaid zeme*. Salaspils nometne 1941-1944. Rīga: Lauku Avīze, 2016
18. Kangeris K., Neiburgs U., Vīksne R. *Salaspils nometne: vēstures avoti un historiogrāfiskais materiāls*. Rīga: Latvijas vēstures institūta apgāds, 2009 <http://rigacv.lv/node/511>
19. Letonika. Salaspils koncentrācijas nometne. <http://www.letonika.lv/groups/default.aspx?cid=31735>
20. Neiburgs U., Vīksne R. *Salaspils nometnes vēstures mūsdienas problēmātika* - <http://okupacijasmuzejs.lv/sites/default/files/SALASPILS%20referats%20UN%20RV.pdf>
21. Operācija "Ziemas burvība". Wikipedia. <https://lv.wikipedia.org/wiki/>
22. Salaspils nāves nometne. Avots, Rīga. 1962
23. Strods Heinrihs „Komunistu un nacistu jūgā”. — Latvijas 50 gadu okupācijas muzeja fonds, Rīga 2001 (124. lpp.)

Устные источники:

Воспоминания Тамары Шутко и ее родных: Елизаветы Зиедини, Эйжена Зиединьша, Лидии Зиедини, Татьяны Зиедини, Елены Зиедини, Карины Зайцевой, Юлии Сёмовой, Александра Шутко.